

Светлана Алешина

Изящный стиль работы

Часть сборника
Две головы лучше (сборник)

Светлана Алешина
Изящный стиль работы
Серия «Александра»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6001498

*Алешина С. В. Две головы лучше. Изящный стиль работы: Повести.:
Эксмо-Пресс; Москва; 2001
ISBN 5-04-007152-4*

Аннотация

«...Голос судьи звучал ровно и бесстрастно – какое дело было этой высокой женщине со старомодной прической до него? Она же постоянно видит их перед собой – одинаковых, растерянных, и они сливаются в одно лицо – общее, размытое, без оттенков, – одно безликое и безглазое чудовище.

Где-то плачет женщина, или ему это кажется?

Он прислушивается и понимает – плачет его мать, ей же нельзя волноваться...

Он смотрит на нее, пытаясь успокоить, придать ей сил, и встречает сухой, горящий взгляд своей младшей сестренки – да зачем ты так смотришь, я не виноват, хочется крикнуть ему, но уже поздно.

Губы его шепчут эти слова, как магическую формулу, – уже поздно.

Уже поздно...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	35
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Светлана Алешина

Изящный стиль работы

Голос судьи звучал ровно и бесстрастно – какое дело было этой высокой женщине со старомодной прической до него?

Она же постоянно видит их перед собой – одинаковых, растерянных, и они сливаются в одно лицо – общее, размытое, без оттенков, – одно безликое и безглазое чудовище.

Где-то плачет женщина, или ему это кажется?

Он прислушивается и понимает – плачет его мать, ей же нельзя волноваться...

Он смотрит на нее, пытаясь успокоить, придать ей сил, и встречает сухой, горящий взгляд своей младшей сестренки – да зачем ты так смотришь, я не виноват, хочется крикнуть ему, но уже поздно.

Губы его шепчут эти слова, как магическую формулу, – уже поздно.

Уже поздно...

Через несколько часов его уведут отсюда. И он никогда больше не вернется в беззаботную жизнь, закончившуюся так нелепо. И так случайно...

Глава 1

Нет в мире совершенства, думала я, тоскливо рассматривая дыру на купальнике, – теперь его даже не вернуть... Купальник был новенький, только что купленный за... Не буду говорить, за сколько, при мысли о его цене мои волосы встают дыбом.

Перед глазами стояло добродушно-хитренькое лицо продавщицы, уверявшей меня, что он «обязательно растянется». Если бы эта мымра сейчас оказалась передо мной... Ох, если бы только она тут оказалась!

В моих глазах были слезы, а довести меня – дело не простое, можете мне поверить!

Я швырнула злосчастный купальник на пол и уселась на кровать, подперев подбородок кулаками и уставившись в окно.

Небо было серым, безрадостным, как и мое настроение, ветер играл с деревьями, и ничто не напоминало о том, что сейчас июнь. Скорее уж октябрь, и, как ни странно, это меня успокоило. Я даже повеселела – в самом деле, зачем мне купальник в такую погоду?

– Ну и черт с тобой, – бросила я этой голубой тряпочке, валявшейся на полу. – Все равно от тебя толку никакого, и счастье ты мне вряд ли принесешь... А уж что касается денег – не дура, заработаю...

Не повод это для грусти, фыркнула я и отправилась на свою миленькую кухню. В такую дурную погоду нет ничего лучше, чем в тепле и уюте выпить чашечку кофе с сигареткой.

Во всяком случае, выходные у меня – редкие гости, и я не собираюсь портить себе день глупыми переживаниями по поводу неудачной покупки!

* * *

У Старцева настроение испортилось сразу. Стоило только открыть глаза и увидеть серый небосклон, украшенный зловещими тучами.

Значит, сегодня весь день пойдет насмарку, тоскливо подумал Старцев, и ладно бы, но именно сегодня они с Юлей намеревались поиграть в теннис.

Вместо этого – полный провал.

Юля скорее всего не вылезет из дома – прелестное южное растение, маленькая пери, нужная Старцеву сейчас больше всего на свете. И дело не в том, что Юля хороша собой, хотя этого у нее не отнимешь, а в ее папе.

Лучшей партии Старцеву не сделать. Папа – магнат. Папа так любит свою девочку, что готов на все ради нее. Девочка с глазами кроткой газели должна убедиться, что лучшего мужа, чем Старцев, она не найдет никогда.

Он посмотрел на свое отражение в зеркале. Холеное, ухо-

женное лицо свидетельствовало о том, что владелец оного живет в достатке, не слишком обременен мрачными мыслями и глупыми предчувствиями, и – черт побери, подумал Старцев, хотя Юле вполне хватило бы и этого для осознания своего будущего счастья, – он еще и хорош собой!

Правда, в последнее время у Старцева проблемы с весом, но это возрастное явление, никуда не денешься...

Он старается. Он играет в теннис. Кстати, о теннисе...

Рука потянулась к маленькому подарку от «Би-лайн», быстрое движение пальцев – и Юля становится ближе, так-вы чудеса техники...

Ее голос не вызвал в душе Старцева никаких эмоций, но жизнь – неплохая актерская мастерская, ежели вы не лох, поэтому Юля ни за что не догадается, что Старцев в момент этого «влюбленного шепота» продолжал бриться.

– Юлечка?

Старцевский голос был мягок, низок и наполнен страстью ровно настолько, насколько это было необходимо.

Свободная рука Старцева тем временем спокойно водила бритвой по щеке.

– Да, – Юля протянула это свое «да» немного лениво и снисходительно.

– Я скучаю по тебе, – продолжил игру Старцев.

«Мы разыгрываем спектакль для невидимых зрителей», – внезапно пришло ему в голову.

Он усмехнулся про себя, поскольку мысль эта была забав-

ной.

– Я тоже, – ответила Юлечка, и Старцеву показалось, что она зевнула, как кошка, которой помешали нежиться на кушетке.

– Мы встретимся?

– Там дождь... Нет, Дима. Я не могу сегодня, правда. У меня же начнется насморк, и тогда...

Что будет тогда, когда начнется насморк, Юлечка еще не придумала, видимо, но Старцев прекрасно понял, что означенная болезнь для Юлечки страшна.

– Я приеду за тобой на машине, – кротко пообещал он.

– И куда мы поедем в такой ливень?

В голосе Юли прозвучало сомнение в правильности старцевских планов.

– Куда пожелаете, королева, – нежно мурлыкнул он.

– Нет, Дима, давай отложим на завтра. Я правда не могу...

И тем не менее он продолжал уговаривать ее, используя все приемы мягкого шантажа, еще минут пять, но крепость, увы, не пала, Юля оставалась при своем мнении – в дождь разгуливать в высшей степени неразумно, а все неразумное Юлю не устраивало.

Поэтому Старцев, чтобы вполне вписаться в образ желаемого супруга, был обязан стать разумным, и мольбы о встрече он прекратил.

Разговор был закончен, бритье тоже...

За окном кончился дождь, и Старцев, глядя, как первые

лучики солнца начинают сражаться с серостью неба, прибор-мотал:

– Ну и дура...

В принципе, все к лучшему, подумал он. По крайней мере пока я свободен и день принадлежит мне... Только мне.

Он быстро оделся, и спустя пятнадцать минут от дома на улице Южная, где проживал господин Старцев Д. В., тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рождения, отъехала «БМВ», официально закрепленная за означенным господином, навстречу развлечениям запланированным и случайным и навстречу началу некоторых весьма странных событий в жизни этого самого Дмитрия Васильевича Старцева.

* * *

Все покупки были сделаны. Пакет с надписью «Хольстен» – лучшее пиво» раздулся как воздушный шар, и тащить его было тяжеловато. Кроме того, Катя опасалась, что проклятые ручки треснут от этой невероятной тяжести, и тогда все окажется на земле.

Поэтому она дотащила до скамейки, придерживая пакет обеими руками за дно, и села.

– Уф, – выдохнула она, достав сигареты. – Кажется, можно передохнуть...

Дома Катю ждала мать, при которой роскошь курения была недозволенной – вовсе не потому, что мать придержива-

лась церберской политики, а просто Катя сама не хотела доставлять матери неприятные минуты. Уж чего-чего, а этих минут у матери в жизни и так было предостаточно...

– Вот если бы я смогла вернуть Алешку, – вздохнула Катя, и сразу же, стоило заветной мысли вырваться на свободу, она подавила ее усилием воли – Катя не имела права раскисать.

Она прекрасно знала, что одно послабление – и обида на жизнь ворвется в душу, а тогда...

Тогда появится уныние, или, как это теперь называется, депрессия, поскольку некому им помочь.

Алешкина глупость сломала жизнь им всем, начиная с него самого и кончая Катей. Потому что теперь все обрушилось на ее плечи, рискуя раздавить ее, но Катя не из тех, кто позволит себя раздавить.

– Нет уж, – пробормотала она, рассматривая мчащиеся мимо нее машины. – Я вам не Лешенька. Меня вы голыми руками не возьмете...

Серые тучи уступили место солнышку, Катя отдохнула, и надо было продолжать путь с пакетом, наполненным всяческой снедью, – мама будет рада. На маминых губах, быть может, появится слабое подобие улыбки – спустя восемь лет она иногда пытается улыбнуться, но Катя сейчас не будет думать о том, что случилось восемь лет назад...

Лучше уж я подумаю о том, что сегодня я принадлежу наконец-то себе, рассудила Катя. Сегодня же выходной, и я вроде как на свободе... В руках у меня – беззаботное суще-

ствование, хотя я никогда в жизни не пила этот их «Хольстен». А интересно, я когда-нибудь смогу его попробовать?

Пока это было совершенно нереально...

Тех денег, какие Катя зарабатывала, хватало только на недельный запас продуктов. И все-таки – когда-нибудь это кончится. В это Катя верила. Плохое должно когда-нибудь кончиться.

Она поднялась, взяла свой пакет и застыла.

Пакет снова опустился на скамейку – даже в момент потрясения Катя помнила, что именно на ней лежит ответственность за мать, за дом, за все на свете...

«БМВ» самодовольно катила по дороге. А за рулем...

– Черт, – вырвалось у Кати.

Это лицо она запомнила на всю жизнь. Да, он изменился. Теперь он стал толстым, и у него появились залысины.

Но ошибиться она не могла. Она восемь лет ненавидела этого человека – восемь лет видела перед глазами, засыпая, самодовольную ухмылку, слышала слова «все путем», когда...

«Об этом лучше не вспоминать», – строго сказала она себе по привычке, но сейчас мимо нее катило живое напоминание, и более того – оно нагло усмехнулось ей и подмигнуло. Катя глубоко вздохнула, провожая взглядом машину, запоминая номер по какому-то наитию, потому что это было слишком несправедливо, чтобы Катя могла и на этот раз справиться с собой.

Она так и стояла некоторое время, глядя вслед машине, а потом пришла в себя, подхватила со скамейки свой огромный пакет и, резко развернувшись, пошла домой, где ее ждала мать, так и не оправившаяся после потрясения восьмилетней давности.

Сделав несколько шагов, она вдруг снова остановилась и посмотрела туда, где только что исчезло мрачное воспоминание.

– Но я же не могу так этого оставить, – пробормотала она.

«А что ты можешь изменить? – издевательски прошептал ее внутренний голос. – Если ничего нельзя было сделать тогда, что ты можешь исправить сейчас, глупая девочка?»

– Еще не знаю, но я должна что-то придумать. Или хотя бы попытаться...

Очень мешал тяжелый пакет в руках, и Катя все-таки дошла до дома, сунула пакет матери и бросила ей, что она уходит по делу и постарается не задерживаться.

После этого она вышла из дома и зашагала по направлению к прокуратуре.

Единственный человек, который, как она думала, сейчас мог ей помочь, работал там следователем.

* * *

День уже не казался мне таким омерзительным. Про купальник я почти забыла – если я буду помнить про все мои

невзгоды, можно и глупостей натворить, не так ли?

Я предпочитаю уделять неприятностям ровно столько внимания, сколько они заслуживают.

Поэтому к трем часам дня я уже вернула себе более-менее радостное расположение духа, посмотрела глупейший полицейский фильм по телевизору и счастливо замурлыкала, осознав, что еще не все радости окончились, – я все еще принадлежу самой себе, у меня есть время, кофе и музыка, а вечером я собиралась прокатиться с Витькой и Пенсом.

И вот тут он затрезвонил, как псих.

– У меня зазвонил телефон, – процитировала я известный детский стишок и фыркнула, беря трубку.

«Кто говорит? – Слон».

– Алло, – проворковала я в трубку, не очень-то обременяя себя размышлениями, кто на сей раз выступит в роли «слона», который просто умирает без моего общества. Наверняка это Андрей Петрович, мой любимый босс...

Кофе преспокойно дожидался меня на столе, тихо играл только что приобретенный «Энигматик» – такая жизнь слишком шикарна для Александры Сергеевны Данич. Вы же сами понимаете – начальство не дремлет. Оно постоянно стремится вашу распрекрасную жизнь испортить.

– Привет, ангелочек... Как жизнь?

А вот и обломалось, Александра Сергеевна! Это и не Лариков вовсе!

– Нормально, – сказала я. – Погода отвратительная, но ко-

фе пока есть, сигареты тоже – значит, все не так уж плохо...
А у тебя?

– Плохо, – признался мой друг Леша Ванцов.

– Замучило начальство? – спросила я, искренне соболезнуя ему.

– Это тоже... Но с начальством, как с неизбежным злом, я уже смирился.

– Мне такого смирения не хватает, – вздохнула я. – Мне иногда мое начальство пристрелить охота... Так, знаешь ли, появиться на пороге, достать из кармана пистолет и пальнуть прямо в его самодовольную физиономию...

– Еще день назад ты нежно его любила, – напомнил он мне.

– День уже прошел, – мрачно объяснила я. – А от любви до ненависти один шаг... Ну, так по какому поводу ты мне звонишь?

Он помолчал, потом начал осторожно, издалека – я уже понимала, что Ванцов позвонил мне неспроста.

– Это долгая история. И разговор не телефонный...

– Что там у тебя случилось? – поинтересовалась я, потягивая кофе.

– Ну, как тебе объяснить это... – замялся Ванцов.

– Приезжай, объяснишь, – милостиво позволила я. – Сашка, ты чудо! Как ты догадалась, что мне может понадобиться твоя помощь?

– Особенного усилия мозговых извилин не надо, – рассме-

ялась я. – Обычно ты появляешься в случае крайней необходимости.

– Я не хотел бы портить твой выходной, – лицемерно вздохнул он.

– Ты его уже испортил, милый, – сообщила я. – Так что теперь приезжай, чего уж там... А то я весь день буду думать, что же тебе от меня было нужно, а я не люблю этого, сам знаешь...

– Все, еду. Надеюсь, это не займет у тебя много времени...

– Я тоже на это надеюсь, – сказала я телефонным гудкам – Ванцов уже повесил трубку.

Ванцов был уже в пути.

– По крайней мере, я успею хотя бы допить кофе, – грустно сказала я. – В этой чертовой жизни есть два неоспоримых зла – начальники и приятели. Иногда, Александра Сергеевна, даже начинаешь думать, что они созданы нарочно, чтобы жизнь не казалась чересчур спокойной.

Я взглянула в окно, где небо, словно назло мне, начало голубеть, и, говоря пиитическим слогом, «душу мою объяла печаль».

И почему другие люди живут себе спокойно, счастливо, торчат на дачах или пляжах, вкушая все радости бытия, а я вечно в работе – даже когда вырвалась из цепких объятий своего босса на один денек всего.

У Ванцова, как нарочно, немедленно назревает во мне необходимость, и он оказывается перед моими очами!

– И хоть бы платили нормально, – проворчала я. – А то работы по горло, а с деньгами напряженка...

Так что в тот момент, когда в мою дверь позвонили, я довела себя до крайней степени обиды и ярости. А посему Ванцов даже немного испугался, увидев мои нахмуренные брови и злобный взор. А уж его спутница – тем более...

– Привет, – опасливо сказал Ванцов, оглядываясь назад. – Я не один.

– Вижу, – кивнула я, рассматривая его спутницу. – Проходите...

Глава 2

Девочка была очень молоденькой, какой-то пушистой, как облачко, и при этом у нее были потрясающе взрослые глаза. Если бы не этот постаревший взгляд, я бы дала ей лет пятнадцать, не больше.

Что-то с этой девочкой было не в порядке, это я сразу заметила. И дело даже не в глазах, хотя я бы предпочла видеть у такой юной девицы все-таки более беззаботный взор. Она была... **ОСТАНОВИВШЕЙСЯ**. Наверное, именно так. Как будто жизнь остановилась для нее в определенный час – и все. Ни глупеньких, но так согревающих надежд. Ни радости ощущения бытия, свойственного шестнадцатилетним. Ни-че-го...

Она явно не принадлежала к дну общества. Одетая была более чем скромно, это так, но очень аккуратненько, чисто, и вообще она производила впечатление человека сильного и с чувством собственного достоинства. Такое бы поиметь многим моим богатеньким клиентам...

Но по совершенно неведомым причинам к этой девочке жизнь благоволила куда меньше, чем к ним. Иначе отчего бы у моей гостьи были такие грустные и усталые глаза?

Да еще я встретила их так неприветливо, с нахмуренным лбом!

У какого нормального человека повисится настроение,

если на пороге тебя встречает разъяренная Медуза Горгона?

– Это Катя, – представил мне девочку Ванцов.

Я постаралась спасти положение, изобразив на физиономии максимум приветливости, и представилась:

– Саша.

Она кивнула мне, все еще настороженная, не очень-то доверяющая мне, но судя по ее виду, она вообще не спешила кому-то доверять.

– Кофе будете? – предложила я.

Она неуверенно оглянулась на Ванцова.

– Будете, – решила за них я.

– Мы по делу, – наконец подала голос девочка. – Я не знаю, сколько у Алексея Васильевича времени...

– Да уж на кофе Алексей Васильевич его изыщет, – рассмеялась я. – И потом – я не умею обсуждать дела без кофе и сигарет... У меня без них голова плохо соображает.

И, не дожидаясь их, я пошла на кухню.

* * *

Теперь ситуация немного прояснилась.

Раз эта девочка пришла с Ванцовым ко мне, значит, в ее жизни действительно произошли неприятные события. С приятными ко мне приходят только мама да Пенс. Остальные...

Не буду я жаловаться на жизнь. В конце концов, это моя

работа, как и у Ванцова своя работа. Только я вроде как частный извозчик, а Ванцов государственный таксист. Проще говоря, я работаю в частном сыскном агентстве, а Ванцов в прокуратуре. И к нам не приходят поделиться радостью, как нетрудно догадаться.

Чайник наконец-то засвистел, я заварила кофе и потащила поднос в комнату, где меня дожидались мои неожиданные гости.

Я замешкалась, открывая дверь, и до меня долетел обрывок фразы: «... это был он, я уверена. Я убью его, Алексей Васильевич...»

Ничего себе, подумала я. Странная, однако, девочка... Вытащила Ванцова из его теплого и сухого кабинета под дождь, чтобы сообщить ему о своих намерениях, прямо скажем, не одобряемых законом.

Ванцов что-то горячо зашептал – я не слышала слов, но следующая мысль, посетившая меня, была еще ужаснее.

А если они решили и меня втянуть в это дело?

Ну уж нет, ни за что не буду больше вляпываться в истории, запротестовала я и открыла дверь с намерением заявить им сразу, что всяческие истории мне порядком надоели и я твердо вознамерилась изменить свою жизнь коренным образом.

Конечно, они сразу замолчали, и это снова навело меня на подозрения, что эта парочка замышляет убийство.

Тем не менее я сделала вид, будто ничего не слышала, по-

ставила поднос и уселась с видом хозяйки светского салона, приветливо улыбаясь. Ладно, сначала мы выслушаем их, а уж потом...

Если тебя что и погубит, Данич, так твое собственное неумное любопытство, неодобрительно проямлил мой внутренний голос. Но мне же было интересно! Я только выслушаю, пообещала я себе, и объявлю им, что теперь живу спокойно и размеренно. Вот только узнаю, в чем у них там дело, ладно?

– Так что у вас за проблемы? – поинтересовалась я. – И каким образом я могла бы вам помочь?

– Проблемы не у меня. У Кати, – сказал Лешка. – Пусть она и рассказывает...

* * *

Катя посмотрела на него, и ее взгляд выразил безграничное удивление и испуг. Кажется, такой «перевод стрелок» в ее планы не входил. Не была она готова сама, без обиняков, сообщить мне о своих криминальных планах.

– Алексей Васильевич, – начала было она просящим тоном, но Ванцов посмотрел на нее весьма сурово, отчего она немедленно поникла и смирилась со своей участью, пролепетав: – Ну, хорошо. Я попробую.

При этом меня она окинула взглядом долгим, изучающим и выражающим крайнюю степень недоверия.

Понять ее можно – я ненамного ее старше, а выгляжу... Может быть, лет в сорок я и начну воссылать господу благодарности за способность выглядеть лет на десять моложе, но сейчас...

Моя детская физиономия является для меня вечным раздражителем. Делать с ней что-либо бесполезно – даже изведя на нее тонну косметики, ничего не добьешься. Просто будешь похожа на ребенка, стибрившего маменькину косметику. Умный взгляд мне тоже не помогает – хотя я тренировалась перед зеркалом, почему-то от моего умного взгляда лицо окончательно глупеет! Может быть, я неправильно понимаю этот «умный взгляд»? А вот именно сейчас поднапрягусь и у меня получится?

Катя недоуменно посмотрела на меня, потом перевела вопросительный взгляд на Ванцова. «Помилуйте, – говорил ее взор. – Разве эта девочка сможет нам чем-то помочь?» Сомнение в моих умственных способностях до неприличия явно отразилось на ее хорошеньком личике.

Ванцов кивком головы показал ей, что вполне в них уверен. Спасибо, милый Леша! Их мысленный диалог не укрылся от меня, но я не показала виду.

Девочка смирилась со своей участью и снова посмотрела на меня.

– Понимаете, Саша... Алексей Васильевич считает, что вы с вашим боссом можете мне помочь.

Судя по тону, каким были сказаны эти слова, сама Катя в

этом сомневалась.

– Предположим, что так.

«Вот и шли бы прямо к Ларикову», – проворчала я про себя. Впрочем, я прекрасно была осведомлена о странности взаимоотношений Ванцова с Лариковым.

А именно – вы когда-нибудь видели любовь друг к другу двух страшных зануд? Конечно, Ванцов ни за что не пойдет к Ларикову! Лучше найти меня, со мной проще...

Но я снова отвлеклась.

Девочка наконец-то решилась и грустно сказала:

– Мой старший брат... Понимаете, Саша, он в тюрьме. А люди, которые в этом виноваты, на свободе. И я не могу с этим смириться...

* * *

Не хотелось расстраивать девочку, но...

Я вздохнула.

Большинство родственников склонны считать именно так. «Наш мальчик не виноват, во всем виновны другие...»

Хотя сейчас в нашем «министерстве справедливости» творится черт знает что.

– Вы мне не верите?

Она смотрела на меня напряженно, и на самом доньшке ее больших глаз таились боль и обида.

– Почему я должна чему-то верить? Вы мне еще ничего

не рассказали, – ответила я.

– Хорошо же, слушайте...

Она встала и подошла к окну. Я видела только ее спину – необыкновенно прямую, как у маленькой балерины.

Некоторое время она стояла, будто вспоминая все в подробностях или пытаясь найти нужные слова, чтобы объяснить мне, почему она так уверена в заведомой судебной ошибке. Я терпеливо ждала.

– Он оказался там случайно, – сказала она, обернувшись. Теперь взгляд ее прозрачных, светлых глаз был почти умоляющим – пожалуйста, поверьте мне!

Я кивнула. Пусть так.

– Где?

– В том месте, где нашли убитую девушку, – пояснила она. – В Левобережном. Где пляж... Знаете это место?

Да, я знала. Но, пожалуй, это все, что мне было известно.

История-то произошла слишком давно. До меня, увы, не долетели даже ее отголоски. Восемь лет назад мне было пятнадцать, и криминальная хроника меня абсолютно не интересовала.

Поэтому Кате пришлось поведать мне всю историю в подробностях, то есть настолько, насколько ей это было известно.

Ведь ей в то время было еще меньше, чем мне. Всего-то восемь лет.

Что может помнить ребенок восьми лет?

Оказывается, много. Катя помнила не только события, приведшие их семью к нынешнему плачевному состоянию, но и лица людей, по ее мнению, повинных в этом.

Жизнь Катюша разделила на две части: черная и белая, улыбающаяся и плачущая – как театральная маска. До Катиных восьми лет семья Чернышовых была вполне счастливой. Двое детей – оба поздние, долгожданные, буквально купались в любви и нежности. Отец Кати работал сначала инженером, потом перешел в частную фирму, поскольку надо было кормить семью, но семья не перешла в разряд «новорусских», и совсем не потому, что достаток был невелик, просто по привычке все сбережения шли на «духовное». Катин отец не мог допустить, чтобы его дети были, как он говорил, «комарами», людьми, не приносящими окружающему миру никакой пользы, поэтому ни один концерт, ни одна новая умная книжка не оставалась незамеченной – он считал, что только на это и стоит тратить деньги. Именно это потом и сыграло негативную роль в судьбе Катиного старшего брата, как она считала.

– Если бы у нас было столько денег, как у Старцева или Чеботарева, – мечтательно сказала она, – Лешка был бы сейчас на свободе, а они...

Впрочем, тут же махнув рукой, Катя сообщила мне, что она до сих пор помнит праздники детства и благодарна своим родителям за то, что ее детство было таким наполненным.

– Я не смогу передать словами, как это было чудесно. Наши походы в театр, на концерты... А вечерами мы могли просто собраться за столом, и самая обычная процедура чаепития превращалась в сказку... Папа был мечтателем и очень любил рассказывать нам про Атлантиду, куда, по его мнению, уходили лучшие... Не то чтобы он хотел сделать из нас оторванных от реальности людей, просто он ненавидел таких, как Старцев, и не хотел, чтобы кто-то из нас был похож на этот типаж, который так распространен в последнее время... А Впрочем, что я говорю? Всегда они были. Только раньше выглядели по-другому... Ну не будем об этом. Ведь теперь все иначе.

Она махнула рукой, повторила почти шепотом: «Все иначе...», и ее глаза снова померкли – солнце в них погасло.

– Потом в Лешкиной жизни появилась эта тварь. Я знаю, нехорошо так говорить о людях, но... Иное определение к этой девице не подходило. Она именно тварь, эта Элла. Даже имя ненатуральное... Элла Ардасова.

Катя презрительно фыркнула.

– Мой брат всегда тянулся к такому типу людей. Ему наивно казалось, что они наполнены подлинной жизненной энергией, в то время как мы ПРИДУМАННЫЕ. Это были его слова. «Наши родители, Катя, придумали нас с тобой, а до

этого – самих себя. Истина в таких, как Элка. Может быть, они циничные и примитивные, но... Они притягивают меня, как сама жизнь, значит, они и есть жизнь...» Так он говорил и маме, когда она высказалась по поводу этой Эллы нелицеприятно... Понимаете, Саша, маме казалось, что Элла просто издевается над ним, но при этом, будучи хищницей по натуре, оценивает, каким он будет супругом. И он ее в этой роли вполне устраивает – как потенциальный «доильный аппарат». Все это она твердо решила высказать, и кончилось это ужасно! Мама до сих пор не может себе простить, ей все кажется, что, если бы она смирилась, ничего не произошло бы. Но я так не думаю. Так вот... Они в тот вечер поссорились, и Лешка заперся в комнате, потому что не хотел с нами разговаривать. Он вынашивал план утром уйти из дома совсем. Навсегда. Так он мне сказал. Обычная туфта – меня не понимают, они оскорбляют мою девушку и так далее... Я пыталась его успокоить, и мне это почти удалось. Он почти поверил мне, что мама и папа не хотят зла ему и его драгоценной Элле, что они к ней привыкнут и все будет хорошо... А ближе к ночи позвонила Элла, и он бросился ей на помощь, сказав мне только, что к Элле пристали какие-то подонки, отняли все деньги и она не знает, что ей теперь делать, поэтому просит его срочно приехать в это дурацкое место, «Веселый дельфин»... Он бросился к ней, еще не зная, что действительно уходит из дома. На-всег-да...

Она прервалась:

– Можно сигарету?

– А не рано тебе курить? – по привычке спросила я.

– А работать не рано? – грустно усмехнулась в ответ Катя. – И тянуть на себе больную мать – не рано?

Я не смогла ей возразить.

Жизнь обошлась с этой девочкой слишком жестоко, чтобы я имела право читать ей нотации. В сравнении с ней ребеночком была я, поэтому я протянула ей начатую пачку.

И словно в награду получила следующую порцию этой отвратительной истории, где зло победило, и более того, именно носители зла сейчас неплохо устроились в жизни.

* * *

Итак, Элла... По словам Кати, она не понравилась ей с самого начала. Леша познакомился с ней случайно – покупал матери подарок ко дню рождения. А Элла этот самый подарок продавала. Так что в результате злосчастный маленький флакон немецкого шампуня оказался с нагрузкой в лице самой Эллы.

Некоторое время Леша умалчивал о своей «великой любви», только вести себя стал немного загадочно. Потом вдруг все выяснилось.

За завтраком.

Леша сообщил им, что сегодня к нему придет «девушка его мечты». И по этой причине он просит их вести себя по-

проще. Отец, естественно, возмутился, он не мог понять, почему должен вести себя так, чтобы понравиться некой девице, но мать пожалела бедного Лешеньку, успокоила начинающуюся бурю и пообещала Леше, что за вечерним чаем, на который приглашена Элла, не будет разговоров о музыке Марчелло, поэзии Мильтона и прочих непонятных вещах. Отец, правда, ехидно поинтересовался, о чем можно разговаривать – о косметике и колготках? Так он не очень-то разбирается в этих вещах... Леша вскричал, что он не позволит унижать бедняжку Эллочку, которая не виновна в том, что ее интеллектуальный уровень не смог развиваться до папочкиного, но его снова успокоили, клятвенно пообещав, что не унизят несчастное создание.

– В конце концов, – грустно сказала мама, – красивой девочке не обязательно быть умной...

Наивная Катина мама уже вообразила себе писаную красавицу с идеальной фигуркой, – а какой еще она могла представить себе девушку мечты своего сына?

* * *

В назначенный час в дверь позвонили.

– Это она!

Леша метнулся к двери, такой трогательный, восторженный, даже отец проникся его состоянием влюбленности и улыбнулся.

Они замерли, ожидая увидеть ту, которая заставила этого мальчика сделать первый шаг к взрослению, уверенные, что это замечательная девушка – ведь не мог же Леша, воспитанный на рыцарских романах, красивой музыке и возвышенной поэзии, выбрать себе в Дульсинеи существо, далекое от идеала?

Дверь хлопнула.

– Здравствуйте, – раздался голос Эллы.

Семейство Чернышовых замерло – та, что сейчас стояла на пороге с видом заведомо победительным, отличалась от идеала столь разительно, что удержать выдох разочарования всем, кроме маленькой Кати, было трудно.

Катя же просто не смогла сдержаться. В своих фантазиях она уже создала образ прекрасной, изящной феи с огромными зелеными глазами и золотистыми кудрями, но дело было даже не в том, что Элла была низкого роста, приземистая, с коротковатыми и толстыми ногами...

Дело было просто в том, что она не была Принцессой. Ее взгляд был полон хищности и цепкости, а надменная улыбка говорила о том, что Элла, увы, относится к разряду тех самоуверенных и тупых особ, которые так не нравились Чернышову-старшему.

Но в тот момент никто не мог предположить, что именно сегодня вечером их судьба делает крутой вираж, никто не мог увидеть в вульгарной, но, в общем-то, примитивной и незлобной девице то черное облако, которое навеки изменит

их жизнь к худшему...

* * *

– Так что я ее сразу возненавидела, – мрачно призналась Катя. – Конечно, меня ругали за такое отношение... Пытались объяснить мне, что внешние данные не главное, будто дело было только в этом! Честное слово, я не думала о ее внешности – хотя мне иногда казалось, что она просто ведьма и приворожила моего бедного старшего брата. Как иначе я могла объяснить то, что он всерьез восхищается ею, смотрит на нее открыв рот, ловит каждое ее глупое слово? Вы знаете, потом я узнала, что дети чувствуют все более глубоко, нежели взрослые, и видят скрытое, так вот – я увидела ее СКРЫТОЕ, и дело было не в ее уродливой внешности, нет! В ее уродливой душе... Надеюсь, вы не станете говорить, что жадность, самовлюбленность, тупость – красивые качества? А именно это и наполняло нашу Эллу. Нет, в ней были и забавные черты, например, она плакала, когда смотрела мелодрамы, и это было мило и смешно, но... Я никогда не забуду ее взглядов украдкой – мне кажется теперь, она подсчитывала, сколько мы стоим, и заранее прикидывала, сколько у нас можно будет оттяпать... Но, что бы мы все ни думали, мой брат был влюблен, ничего этого не видел и все глубже погружался в подчинение этой странной особе. Теперь от нас тоже требовали восхищения, мы были обязаны признавать

ее красоту, ум и так далее – качества, которых не было в по-мине, но о которых наша Элла мечтала. Но я увлеклась, да? Наверное, вам все это неинтересно...

– Нет, что ты, – возразила я. – Так что же там произошло?

– Я не знаю. Однажды вечером, очень поздно, раздался звонок. Взволнованный голос Эллы попросил к телефону Лешу. Мне строго-настрого запрещалось даже находиться рядом во время их разговоров, поэтому я просто передала ему трубку и ушла в свою комнату. Через несколько минут послышался мамин голос – она говорила на повышенных тонах, что было достаточно непривычно. Знаете, мне показалось даже, что она неприлично визжит. «Ты никуда не пойдешь!» Он что-то ей ответил, тихо, я не расслышала... Папы дома не было – он был в командировке, как назло... Мама пыталась еще как-то убедить Лешу, но у нее ничего не вышло. Я выбежала из комнаты на шум и спросила у Лешы, что происходит. Тут-то он и сказал мне наскоро об Эллиных проблемах. И хлопнул дверью. Я вышла на кухню и увидела маму, она сидела у окна и плакала. «Что случилось?» – спросила я. Она отмахнулась от меня и пробормотала: «Только тебя мне и не хватало...»

Она просидела так до самого утра. А утром позвонили и сказали, что мой брат арестован. Он обвиняется в... убийстве.

Дальнейшие события напоминали страшный сон.

Арест, следствие, суд. Все усилия были напрасны – Алеша Чернышов был обнаружен рядом с убитой Эллой Ардасовой, в руке он держал орудие убийства, то есть опасную бритву, которой было перерезано горло девушки, и показания единственных двух свидетелей – Старцева Дмитрия и Чеботарева Леонида – убедили суд в его виновности.

Вот эти-то Старцев и Чеботарев не давали покоя Кате.

– Понимаете, Саша, я тогда мало что понимала, но я помню, что однажды я шла по улице, я даже помню, что было солнечно, радостно, я купила мороженое, и вот тут я их увидела... Этих двоих. Они стояли и разговаривали с Эллой. И Старцев обнимал ее за плечи, понимаете? Обнимал и шептал ей что-то на ухо... Она меня не заметила и довольно громко рассмеялась, сказав: «Ну, если мальчики угостят вином...» А потом обернулась, и наши глаза встретились. Она помрачнела и попыталась высвободиться из объятий Старцева, что-то пробормотала в ответ на мое «здрасьте», но я еще не придала этому значения. Так вот, потом эта парочка утверждала, что Эллу они не знали, на пляже оказались случайно, там они и услышали женский крик и пошли туда, и застали ужасную картину – мой брат с опасной бритвой в руке и убитая Элла... Я пыталась рассказать о том, что они были знакомы,

но... Кто поверит ребенку? Тем более что брата этого ребенка обвиняют в убийстве? Все улики были против моего брата, а против них – ни одной. Я не знаю, что между ними произошло, но я уверена, что мой брат ни при чем! Уверена в этом так же, как и восемь лет назад!

Она снова потянулась за сигаретой и немного успокоилась.

– Мой отец умер через шесть лет. Он сильно сдал, а мама... О, она заболела сразу, как только все это случилось. Так что я уже два года работаю – продаю газеты и журналы, мы едва сводим концы с концами, да еще приходится ездить к Лешке... Еще семь лет. Я не выдержу. Но еще труднее выдерживать это ужасное знание – что истинные виновники живы-здоровы, они процветают... Скажите, Саша, справедливости нет в нашем мире?

* * *

Ну что я могла ответить?

Иногда я и сама задавалась этим вопросом – есть ли она? Нужна ли она кому-нибудь?

История, рассказанная мне Катей, была печальной и в то же время...

Я посмотрела на Ванцова. Он едва заметно пожал плечами. «Я не знаю, насколько ее вера в невиновность брата оправданна», – говорил его взгляд.

– Вы давно знакомы? – спросила я их.

– Нет, – покачала головой Катя. – Мы познакомились неделю назад. Но, наверное, нас с Алексеем Васильевичем свела судьба... Может быть, богу наконец-то надоело смотреть на мои несчастья?

«Ну да, и поэтому он решил повесить на мои хрупкие плечи твои проблемы», – подумала я.

– Я не уверена, что смогу тебе помочь, – призналась я. – Расследовать это дело... Восемь лет прошло. Это нереально... Если не смогли тогда, по свежим следам, то я же не гений, честное слово!

– Тогда я убью их, – спокойно улыбнулась девочка. – Потому что этого нельзя допустить – чтобы убийцы жили припеваючи, а наша жизнь походила на кошмар...

Ну и что мне было делать?

– Подожди, – попробовала я остановить ее. – Я попытаюсь. Но не уверена, что у меня что-нибудь получится...

– Спасибо, – выдохнула Катя.

В ее глазах появилась надежда. Приятно, конечно, но я этой надежды не разделяла.

В тот момент эта надежда казалась мне глупенькой, детской иллюзией, не более того. Я же не из тех людей, которые относятся к себе серьезно...

Глава 3

– Леонид Александрович...

Это не секретарша Людочка – сама грубая реальность вторгалась в мечты Леонида Чеботарева.

Ничего не меняется – это его кабинет, на стенде горделиво торчат пачки сигарет, которыми торгует фирма «Полет», перед глазами – монитор, быстро сменивший картинку на «меню», и то, что от него сейчас хотят, вовсе не совпадает с его желаниями.

Увы...

Чеботарев вздохнул. Даже его внешность была совершенно не такой, о какой он мечтал. Мысленно Чеботарев видел себя высоким, поджарым, светловолосым, с надменным и скептическим взором, но зеркало не собиралось обманывать его. Из зеркала на Чеботарева смотрел маленький толстый очкарик с ранними залысинами, и никакой надменности во взгляде не было – да и откуда ей взяться, если Леонид Александрович был подкаблучником, верным рабом своей супруги Ирины Львовны, женщины властной и решительной.

Ирина Львовна работала тут же, бухгалтером, поскольку оставить своего супруга без присмотра не могла, зная романтичность и странность его натуры. Дело было даже не в секретарше и хорошеньких менеджершах, хотя и эти склонности не были тайной для Ирины Львовны. Она не могла

бы сказать, что ей неведомы муки ревности, но она бы куда охотнее согласилась испытывать их, чем свой постоянный страх перед страстным увлечением своего супруга.

Дело в том, что Леонид Александрович мнил себя Художником. Именно так, с большой буквы. Не то чтобы Ирина Львовна не поощряла художников вообще – она ничего не имела против них. Более того, если б Леонид Александрович занялся какими-нибудь пейзажами, она была бы счастлива! Но он не собирался рисовать пейзажи. И портреты его тоже не интересовали.

Кумиром Леонида Александровича был некий Дэвид Линч. И вот тут придется пояснить, какое отношение к увлечению господина Чеботарева живописью имел этот кинорежиссер и почему это так пугало его достойнейшую во всех отношениях супругу.

* * *

Когда Ирина Марченко познакомилась на студенческой вечеринке со своим будущим мужем, он показался ей удивительно тихим, спокойным и покладистым человеком. То, что он не отличался ни красотой, ни ростом – разве это так важно? Сама Ирина была довольно невзрачной, так что какие ж могут быть претензии? Правда, когда их роман был в самом разгаре, Ирина подруга Леля Табачникова отвела ее в сторону и, сделав страшные глаза, спросила, хорошо ли

она знает Ленечку Чеботарева. Ирина заверила ее, что уже неплохо понимает Леню и ей он кажется очень милым и порядочным человеком. «Про него говорят ужасные вещи, – сказала Леля. – Говорят, он... Ну, как бы это выразиться... Немного НЕАДЕКВАТНЫЙ».

Ирина была девушкой не обидчивой, но в тот день она серьезно обиделась на Лелю. Они даже рассорились, тем более Леля намекнула, что в «прошлом у Ленечки некая страшная и темная тайна». Тихий Ленечка с вечной улыбкой невинного ребенка на устах (уже через пять лет супружества Ирине Львовне, правда, эта улыбка перестала нравиться, более того, начала напоминать ей усмешку дебила) совершенно не ассоциировался в ее воображении со злодеем, поэтому Ирина отмахнулась и заявила подруге, что та ей просто завидует. Более того, по строгому Ирининому убеждению, говорить о людях гадости за спиной – это так неэтично, что она не знает, как ей теперь относиться к бывшей лучшей подруге.

Ленечке она об этом разговоре не сказала. Не в ее правилах было обсуждать сплетни, тем более с человеком, о котором эти сплетни распространяются.

А через несколько месяцев они поженились, несмотря на недовольство Ирочкиных родителей, которым отчего-то Ленечка тоже сразу не понравился. Впрочем, это Ира понять могла – ее отец был уверен, что где-то за углом его ненаглядную доченьку поджидает писанный красавец на белом «Мерседесе», с охапкой роз и путевкой на двоих в Италию, посему

приведенный жених, совершенно не похожий на созданный идеал, вызвал у него негативную реакцию. Правда, он все-таки помогал им, пока был жив, да и после его смерти Ирине Львовне оставлено было неплохое наследство, на которое, собственно, и была открыта процветающая ныне фирма. Но тем не менее он никогда не был близок с Леонидом, и их отношения до самой смерти Льва Владимировича оставались более чем прохладными.

Мать же честно пыталась понять дорогого сердцу дочери Ленью – вела с ним светские беседы, благо женщина она была эрудированная, преподавала на филологическом факультете такой сложный предмет, как старославянский язык, но на все ее попытки разговорить загадочного толстячка он отвечал своей детско-дебильной улыбкой, в которой бедная женщина все чаще угадывала безжалостный приговор своему интеллекту – увы, она по наивности и представить себе не могла, сколь суров он был! Если ей казалось, что Леонид почитает ее наивной и старомодной, как ее старенький сервант, она ошибалась. Леонид считал ее просто дурой, но умело скрывал свои мысли под мерцанием улыбки.

Как бы то ни было, Аделаиде Аркадьевне скоро надоело это непродуктивное общение, и она оставила свои попытки, наконец-то осознав их тщетность.

А уж когда старшая дочь Инна вызвала ее к себе в Натанию, она с радостью согласилась на отъезд, хотя и с некоторой грустью – будущее младшей дочери Ирины уже давно к

тому времени виделось ей счастливым и безоблачным.

* * *

Так вот, о Линче...

Ирина Львовна страсти этой не разделяла, хотя честно посмотрела все серии «Твин Пикс», включая и сам фильм. Музыка – да, музыка из фильма ей нравилась. Но почему ее маленький и скромный супруг так был озабочен убийством Лоры Палмер, она понять не могла. Не то чтобы Ирина Львовна была примитивной личностью, вроде бы таковой ее не считали окружающие, скорее уж они так относились к Леониду Александровичу, но фильм ей не понравился. А уж «Человека-Слона» она не поняла совсем. Когда она смотрела «Синий бархат», она с трудом сдерживала тошноту. Но на вкус и цвет товарищей нет, ведь так? Кроме того, Ирина Львовна не считала свое мнение истиной в последней инстанции, если ее мужу это нравится, пускай себе смотрит. Каждому свое, считала Ирина Львовна и просто уходила, когда в голове ее мужа появлялась идея посмотреть еще разок какую-нибудь серию «Твин Пикс». Благо дел по дому хватало, хотя и не было у Чеботаревых детей...

Конечно, сама Ирина Львовна предпочла бы Линчу двух симпатичных детишек, но так было до определенного момента.

Дело в том, что любая тщательно созданная и продуман-

ная идиллия имеет обыкновение превращаться в простую, глупую реальность.

У Ирины Львовны такой момент тоже наступил. Только вот ее идиллия превратилась в кошмар...

* * *

Это произошло так внезапно и странно, как, в общем-то, и происходят все открытия, неважно, приятные они или нет.

Чеботарев простыл, у него начался бронхит; разумеется, у такой крупной личности не могло быть простенького ОРЗ, и Ирина Львовна была рада, что это не воспаление легких. Чеботарев укрылся в своей комнате, как в убежище, и сидел дома на больничном, предоставляя Ирине Львовне самой разбираться с не вовремя заявившимися в фирму налоговыми инспекторами.

К тому времени у Чеботарева уже обнаружился недюжинный, по его мнению, талант художника. Собственно, обнаружился он благодаря статье о Линче в еженедельном журнале. Прочтя, что его идеал не чуждался и изобразительного искусства, Чеботарев решил и тут не отставать от кумира. Правда, его картины Ирине Львовне не нравились – она не могла понять, почему Чеботарева вдохновляют странные обнаженные барышни зеленого цвета, при виде которых ей приходили на ум воспоминания о посещении городского морга. Но она скрывала свое мнение, боясь опять услышать

нелестные слова о степени своего умственного развития, а еще больше – увидеть, как глазки за толстыми линзами очков сужаются, а пухлые губы становятся узкими, кривясь в презрительной усмешке.

Она уже не помнила, зачем он понадобился ей в тот день. Но только набрав раз восемь свой домашний номер и выслушав длинные гудки, она разволновалась – накануне у него была высокая температура, и утром, когда она уходила, он выглядел ужасно: был бледен и едва держался на ногах. Нехорошее предчувствие кольнуло ее в сердце.

Конечно, ей стало не до работы. Помучившись немного, она рванула домой, дрожащими пальцами открыла дверь, а воображение уже рисовало страшные картины – Ленечка лежит, бездыханный, и она успевает только принять его последнее «прости»...

В квартире царил обычный кавардак, а из «мастерской» доносились звуки музыки из «Твин Пикс», причем музыка так гремела, что бедной Ирине Львовне стало окончательно не по себе.

Однако она собралась с силами и открыла дверь, да и застыла, ибо увиденное повергло ее в еще более глубокий шок, чем ожидаемые «ужасы».

Ленечка стоял перед мольбертом, перед ним была большая кастрюля, из которой он доставал «материал», на губах сияла безмятежная улыбка, в этом антураже показавшаяся Ирине Львовне зловещей, а руки Ленечки были...

Воспоминание об этом до сих пор заставляло Ирину Львовну бледнеть и инстинктивно подносить к губам раскрытую ладонь, словно пытаясь сдержать крик ужаса, который, впрочем, и сам не мог вырваться – настолько оглушительным было впечатление от увиденного.

Не стоит думать, что Ирина Львовна была слабонервной женщиной.

Как бы вы сами почувствовали себя, доведись вам увидеть своего супруга с руками, до самых локтей обгаженными кровью, безмятежно насвистывающего мелодию из «Твин Пикс» и приклеивающего к холсту лапку кролика?

* * *

Лечение Леонида Александровича, естественно, держалось в тайне.

Для окружающих утомленный трудами праведными господин Чеботарев отдыхал на Мальдивах.

Правда, слухи о его истинном местонахождении бродили по офису, перетекая от одних ушей к другим, обрастая новыми подробностями, но Ирина Львовна всем своим видом показывала, что все это ложь, а уж держать себя в руках она умела.

Хотя, оставаясь одна, она все-таки заходила в ту комнату, смотрела на ужасные картины, читала этот треклятый журнал, где рассказывалось о подобных же экзерсисах «гения

Линча», и начинала – о нет, не плакать... Она начинала дрожать, будто ее члены отказывались подчиняться и у нее начиналась пляска святого Витта.

Эти два месяца показались ей самыми долгими и изнурительными – она ждала, когда его выпишут, ждала только затем, чтобы задать ему один-единственный вопрос, не дававший теперь ей покоя.

К сожалению, она не могла спросить об этом у Лели – год назад Леля умерла от рака, а другие ее однокурсники вряд ли помнили хоть что-то о тайнах невзрачного коротышки Чеботарева.

Но два месяца прошли, он появился на пороге, все так же сияя своей детской, безмятежной улыбкой, и она не решилась спросить.

Правильнее было бы сказать так – она не была еще готова получить ответ, поэтому вопрос отпал сам собой.

Просто она вдруг поняла – ей очень важно, чтобы он был рядом. Неизвестно почему, но этот странный человечек был ей дорог.

Ирина Львовна сама удивилась этому чувству, но...

Оказывается, она все еще была влюблена в Леонида Александровича Чеботарева, и разве могла встать на пути у высоких чувств какая-то страшная тайна из чеботаревского прошлого?

– Леонид Александрович, вас к телефону.

Он поднял трубку.

– Спасибо, Людочка, – прошептал Чеботарев одними губами, сложив потом их трубочкой – как бы посылая симпатичной Люде воздушный поцелуй.

Она покраснела, в глазах зажглись искорки, но он немедленно укрылся под своей наивной улыбкой.

Ох, как же она хороша!

Мысленно он уже представил ее...

Впрочем, нет!

– Чеботарев слушает...

А ведь как она была бы хороша! Фантазии побеждали, подчиняя себе мысли, но он помнил о доме.

Он должен был держать себя в рамках, потому что его жизнь зависит от Ирины, как бы иногда ему ни хотелось вырваться из ее цепких объятий.

Вот если бы Ирины не было...

Он закрыл глаза.

Представлять Ирину мертвой было самым приятным «искушением». Так Чеботарев называл свои фантазии. «Искушения». Собственно, и святой Антоний ведь испытывал подобное?

– Чеботарь, привет.

Ну вот. Старцев всегда звонил не вовремя. Некоторое время они не общались, каждый шел своим путем... Но однажды случай снова свел их вместе, и Чеботарев был даже благодарен этому случаю – по крайней мере, Старцев помогал ему деньгами, у него-то дела шли успешно.

– Привет, – отозвался он. – Как дела?

– Все нормально, – ответил Старцев. – Хотел пригласить тебя с женой на свой день рождения. Ты как?

Прикинув, Чеботарев решил, что это неплохая идея.

Они ведь так редко выходят в свет!

Ирина будет рада.

– Конечно, Дим. Мы придем. Надеюсь, твоя невеста...

– Будет, будет, – договорил за него самодовольно Старцев. – Так что не занимай субботу делами. Но я надеюсь, мы еще встретимся до субботы.

– Когда?

– Да хоть сейчас, – рассмеялся Старцев. – У меня пива целый холодильник...

Он очень хотел к Старцеву. Но на пороге уже стояла Ирина, и он, вздохнув, отказался.

– Давай в другой раз.

– Бог ты мой, Чеботарь, неужели и я когда-нибудь буду так же подчинен женщине? – угадал Старцев причину отказа.

– Скорее, чем ты думаешь.

– Не дождетесь, – заверил его Старцев. – Это Юлечка будет меня бояться. Ты ведь меня знаешь, а?

Чеботарев знал.

И не сомневался, что уж Старцев в отличие от него найдет способ заставить Юлю уважать себя.

Нисколько не сомневался...

Глава 4

– Ты сошла с ума...

Удивительно, как быстро мои гордые планы обрушились под действием ледяного взгляда Ларикова!

– Почему?

Я еще пыталась сопротивляться, но уже понимала – меня ожидает полное поражение.

– Потому что это нереально.

Он просто растерзал меня этой фразой, бросив ее, как гранату. Остались от Сашеньки рожки да ножки...

– То есть?

Я не сдавалась. Где-то стояла под палящим солнцем Катя и торговала газетами. Катя нуждалась в моей помощи точно так же, как и я нуждалась в Катиной.

– Ты собираешься найти улики, которых не нашли восемь лет назад?

Он невесело засмеялся.

– Котенок, милый ты мой, это же полный бред! Ничего не получится, обойди ты весь этот чертов пляж раз тысячу, там уже ничего нет... Свидетелей тоже нет, поэтому – увы! Зачем совершать действия, обреченные на провал?

Я понимала, что он прав.

Мне и возразить ему было нечего.

Мой единственный аргумент был слишком беззащитен –

Катя.

– А как же Катя?

Я обернулась.

Лиза оторвалась от одноименного журнала и пилила Ларикова взглядом.

– Я все слышала. Лариков, ты собираешься оставить все как есть? То есть два этих уroda будут по-прежнему наслаждаться жизнью, Катя мирно ожидать брата, который вряд ли выйдет после пятнадцати лет нормальным человеком, и мы все это воспримем как данность?

– Что ты этим хочешь сказать?

– То, что Сашка права. – Лиза отшвырнула журнал и закурила. – Если мы все это оставим, грош нам цена...

– Что ты предлагаешь?

– Пока ничего, – пожала она плечами. – Вот подумаю, тогда предложу. Конечно, искать улики нет смысла. Но и без улик можно допереть, кто убийцы...

– А дальше? Ты поиграешь в инспектора Варнике, вычислишь, что убийцы и есть Старцев и Чеботарев, и как потом? Придешь и благодетельствуешь своими логическими умозаключениями прокуратуру?

– Ой, Ларчик, не надо, – поморщилась Лиза. – Я не такая уж дура. У меня нет святой веры в родную юстицию...

– Конечно, нет, – съехидничал Ларчик. – Ты вообще ужасная авантюристка.

– И слава богу, – проворчала Лиза. – Две авантюристки

вполне способны придумать что-нибудь интересное...

– У двух авантюристок, между прочим, есть работа, – напомнил Лариков.

– Бегать за этой вульгарной толстухой Рамазановой? – округлила глаза Елизавета. – Скука смертная...

– Зато денежки платят...

– Ты меркантилен до пошлого, – заметила Лиза.

Кажется, они были близки к ссоре.

Я наблюдала за их перепалкой, а сама прикидывала в уме, какое впечатление произведет на эту «сладкую парочку» мой план.

Лариков, конечно, взовьется, как пионерский костер. А Лиза...

Лизе понравится.

Поэтому я решила рискнуть.

– Если улик нет, – начала я, – можно их сфабриковать.

Они развернулись в мою сторону и замерли. В глазах Ларичика полыхали начатки пионерского костра, а в Лизиних присутствовал явный интерес.

– Что? – переспросил Лариков с угрозой.

– С-фаб-ри-ко-вать, – повторила я и улыбнулась им обоим с обезоруживающей невинностью. – Думаю, это будет не самое трудное дело на свете.

* * *

Реакция у них была разная.

Понятия не имею, как они умудряются сосуществовать?

Такие разные люди...

– Я же говорю, она сошла с ума, – простонал Лариков.

Лиза же ничего не сказала, явно обдумывая мое сумасшедшее предложение.

– А ты понимаешь, что это криминал? – не унимался Ларчик. – И вообще – как ты это себе представляешь? Как ты будешь подсовывать им свои улики?

– Это только часть моего предложения, – скромно сказала я. – Еще их можно круто достать... Чтобы кто-то из них не выдержал и раскололся... Это вообще просто. Только нужно присмотреться к ним, подобраться поближе для начала, а потом колоть. Ну, если не получится, придется фабриковать улики...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.